

В комнате воцарилась гнетущая, почти осязаемая тишина.

Ван Кайцзин стоял с остекленевшим взглядом, не в силах вымолвить ни слова.

Янь Цзюнь, словно и не замечая этой жуткой атмосферы, продолжал тем же бесстрастным, обыденным тоном просвещать присутствующих о свойствах пилюли «Упоение и гниение костей»:

— В прежние времена такие снадобья использовали для самых отъявленных преступников, заклятых врагов или рабов, которых хотели полностью подчинить. Пока вы пребываете в эйфории, особая тайная техника заставляет вас выкладывать всё начистоту. Что же касается так называемых «побочных эффектов»... — Янь Цзюнь коротко усмехнулся. — Если речь о врагах, то кто откажет себе в удовольствии поглядеть, как те корчатся в муках, мечтая о смерти? А с рабами всё ещё проще: достаточно давать им каплю лекарства, облегчающего боль, и можно не сомневаться в их верности. Даже если такой раб в итоге умрёт — невелика потеря, всего лишь одной вещью меньше.

Янь Цзюнь сказал всё, что считал нужным, полагая, что долг милосердия исполнен. Он подошёл к Ван Кайцзину и тронул его за плечо. Тот вздрогнул, словно очнувшись от наведённого морока, и со страхом воззрился на врача:

— Вы... это серьёзно?

Цзюню было тошно даже смотреть на них. Скрывая охватившую его брезгливость, он сухо бросил:

— Пеняйте на себя.

Ван Кайцзин окончательно пришёл в себя. В его голове будто что-то перемкнуло, и он мёртвой хваткой вцепился в запястье Янь Цзюня.

— Пойдите!

Договорить он не успел: запястье пронзила острая боль, и он невольно разжал пальцы. Несмотря на физическую боль, мысли его прояснились как никогда прежде. Он заговорил, торопливо, захлебываясь словами:

— Я не поставлял этот товар! Это они мне его принесли. Я был лишь посредником, помог найти людей для анализа. Я понятия не имел, что это за дрянь!

Янь Цзюнь замер, остатки раздражения мгновенно испарились. Он резко обернулся, на мгновение лишившись дара речи.

— Вы хотите сказать... что они сами нашли канал поставок?

— Да, — Ван Кайцзин чувствовал, как по спине пробегает ледяной холодок. — Они твердили, что эта штука сейчас безумно популярна за границей. Тогда многие спрашивали меня о ней, но я не интересуюсь подобным, поэтому решил, что это просто какой-то новый вид стимулятора, и не придал значения.

Мысли Вана становились всё стройнее:

— И ещё они упоминали, что у поставщиков этого препарата действует жесточайшая система отбора. Получить его могут только проверенные члены закрытого сообщества.

Янь Цзюнь помрачнел, его взгляд стал тяжёлым, как свинец.

— Боялись, значит, лишних глаз.

Ван Кайцзин открыл рот, пытаясь оправдаться:

— Я клянусь, я и представить не мог, что всё настолько серьёзно...

Янь Цзюнь нетерпеливо оборвал его:

— Не могли или просто не хотели знать? Теперь этим делом займутся совсем другие люди. Это не ваш уровень, Кайцзин, тут замешаны слишком большие силы. Немедленно отправьте этих смертников по домам и проследите, чтобы каждый из них сидел тише воды ниже травы!

С этими словами он, даже не взглянув напоследок на застывшего Вана, подхватил чашу с порошком и, распахнув дверь ударом ноги, стремительно вышел прочь.

Стоило ему уйти, как люди в вип-комнате словно пробудились от кошмара. Слова, выжженные в их памяти Техникой чарующего голоса, заставили их содрогнуться. Они невольно начали отодвигаться от стола — всё дальше и дальше, боясь даже тени того, что на нём лежало.

Тем временем Янь Цзюнь, направляясь к выходу, чувствовал, как внутри всё леденеет. Если этот яд уже стал признанным «стимулятором» за рубежом, то сколько людей по всему миру находятся под властью этой коварной отравы? Тысячи? Десятки тысяч? И сколько среди них тех, кто занимает ключевые посты?

Это дело давно переросло масштабы частного лечения Лу Ци. Речь шла о катастрофе мирового уровня. Одной рукой прижимая к себе круглую чашу, Цзюнь вытащил телефон и набрал номер Дэн Анцзэ. Он сжато и предельно серьёзно изложил суть дела. Анцзэ молчал лишь секунду, а затем, не тратя времени на слова, оборвал связь. Янь Цзюнь знал: политическое чутьё Дэн

Анцзэ куда острее, он понимает, насколько критично сейчас положение. Каждая секунда была на вес золота.

Закончив разговор, Цзюнь глубоко вздохнул. Всё, что было в его силах, он сделал. Теперь оставалось лишь ждать распоряжений — если он понадобится, Анцзэ церемониться не станет.

Он вышел из бара «Ланьду». Ночной Город S по-прежнему сиял огнями, но теперь в этом праздничном великолепии Янь Цзюню чудилось затишье перед бурей. Обычные люди, идущие по улицам с улыбками на лицах, даже не подозревали, что где-то в тени ядовитые лозы этого зла уже опутали земной шар и готовы в любой миг затянуться на горле цивилизации.

«Нигде нет покоя», — сокрушённо покачал головой Янь Цзюнь.

Он прошёл пару шагов до обочины, где его ждала машина, присланная Ду Сю. Распахнув дверцу, он на мгновение замер.

На заднем сиденье, чинно выпрямившись, сидел сам Ду Сю. Он выглядел сонным и безмятежным, его веки отяжелели.

— А я уж думал, придётся ждать до утра, — пробормотал он.

Он перевёл взгляд на чашу в руках Цзюня, и он иронично вскинул бровь:

— Ты чей прах умудрился украсть?

Янь Цзюнь мог только позавидовать его непрошибаемому спокойствию. С горькой ухмылкой он пересказал события вечера. К его удивлению, Ду Сю, в отличие от лихорадочно действующего Дэн Анцзэ, остался невозмутим. Лишь на мгновение из-под полуприкрытых век мелькнул холодный стальной блеск, доказывая, что он слушает очень внимательно. Впрочем, даже если новость его задела, он не подал виду.

— Чего ты мечешься? — лениво бросил он. — Это не наша забота. Наше дело маленькое — делай, что должен, и не лезь в пекло.

— И тебя это совсем не беспокоит? — Янь Цзюнь был ошарашен.

— А смысл беспокоиться? — Ду Сю коротко хмыкнул. — Я что, спаситель мира? Свою работу работай, этого достаточно. И не забывай, — он по-хозяйски положил руку на плечо доктора, — тебе ещё Лу Ци вытаскивать.

Янь Цзюнь промолчал, и лишь спустя долгое время из его груди вырвался тяжёлый вздох.

— Ты прав. Сейчас эти думы бесполезны. Нужно сосредоточиться на том, что прямо перед носом.

Ду Сю вытащил сигарету и, по-пижонски зажав её в углу рта, хищно улыбнулся:

— Вот это другой разговор. Вернёмся ко мне, я познакомлю тебя с одним приятелем. Завтрашние переговоры с корпорацией «Шэнхуэй» целиком зависят от него.

— Мне тоже нужно быть? — удивился Цзюнь. — Вряд ли это уместно.

— Не переживай, — Ду Сю загадочно прищурился. — С его помощью тебя родная мать не узнает.

В ту ночь Янь Цзюнь остался в вилле Ду Сю. После случившегося ему совсем не хотелось сталкиваться с Кан Минвэнем, какие бы цели тот ни преследовал. Предупредив наставника, что не вернётся в отель, он провёл беспокойную ночь, а наутро обнаружил, что в гостиной его уже ждут двое гостей.

Когда Янь Цзюнь спускался по лестнице, мужчины сидели спиной к нему, так что лиц было не разглядеть. Однако тот, что сидел прямо, поражал мощью своих плеч и безупречной осанкой — в одном его силуэте чувствовалась незыблемость вековой скалы. И всё же этот человек, обладавший статью, величавой и грозной, — удивительным образом гармонировал с женщиной, небрежно положившим руку ему на плечо. Последний, почувяв шаги, слегка повернул голову. Когда он глянул искоса, остатки мимолётной улыбки в его удлинённых глазах-фениксах напомнили солнечный свет, пробивающийся сквозь густую крону древнего дерева. Это было странное сочетание: тепло живого света и едва уловимая, бессильная прохлада былого. Если первого мужчину можно было сравнить с горой, то этот был золотым лучом, пронзившим туман на её вершине — ослепительным и пронизательным. Любое его движение, казалось, могло лишить покоя неосторожного зрителя.

Однако Янь Цзюню этот человек показался смутно знакомым. Что ещё более странно — незнакомец тоже замер, вглядываясь в вошедшего, и в его прекрасных глазах затуманилась какая-то неясная дымка.

Янь Цзюнь лихорадочно пытался вспомнить, где он мог встречать столь выдающуюся личность, но память упорно молчала. В последнее время его преследовало это странное чувство дежавю, и если бы он не был уверен в своём душевном здоровье, то заподозрил бы, что рассудок у него помутился вслед за Лу Ци.

Мужчина не отрывал взгляда от Янь Цзюня с самой первой секунды его появления, отчего и его спутник обернулся, чтобы оценить гостя. Стоило им встретиться взглядами, как Янь Цзюнь обомлел. Внешность обоих была запредельно безупречной. Про «сияющего» мужчину и говорить не стоило: одни его чарующие глаза могли свести с ума и навеки врезаться в память. Его спутник же был воплощением мужественной красоты: идеально высеченные черты лица, в которых не было ни капли мягкости — только мощь и воля. Даже тонкие очки в безрамной

оправе, за которыми скрывался его тигриный взор, не могли укротить исходящую от него властность.

За десятилетия своей жизни Янь Цзюнь редко встречал столь красивых людей. Рядом с ними даже они с Лу Ци казались бы лишь бледными тенями. И всё же, если перебирать в памяти лики тех немногих избранных, чья красота граничила с совершенством...

Внезапно перед глазами всплыл образ из далёкого прошлого: юноша в просторных одеждах с широкими рукавами, его грудь залита кровью, а в руке зажат меч. С острия клинка срываются тяжёлые алые капли, и такая же зловещая, демоническая капля крови застыла в уголке его лукавых глаз, прикрытых упавшими прядями волос...

Янь Цзюнь судорожно выдохнул. Он едва успел присесть на диван, как тут же подскочил, в немом шоке указывая пальцем на мужчину.

— Хэ Шу!

Человек, на которого он указывал, на мгновение замер в удивлении, а затем рассмеялся — так легко и открыто, что на миг затмил всё вокруг.

Ду Сю с недоумением посмотрел на Цзюня, не понимая причин такой бурной реакции.

— Янь Цзюнь, ты что, тоже фанат Хэ Шу?

—... —

Янь Цзюню показалось, что по голове ударили пудовым молотом, в ушах зазвенело. Он с нескрываемым ужасом воззрился на этого прекрасного, как весенний цветок, мужчину, почти слыша, как с хрустом рушится его картина мира.

— Повтори, кто он? — процедил он сквозь зубы.

— Да ты же сам сказал — Хэ Шу! — пожал плечами Ду Сю. — Тот самый Хэ Шу, киноактёр, лауреат «Золотого дерева»!

«Твою ж направо...» — Янь Цзюнь мысленно сглотнул подступившую к горлу кровь. Какие шутки, к чёрту! Какой безумец додумался выпустить этого палача на сцену? Он же неровен час прирежет партнёра по кадру, если тот собьётся с текста!

И кто-нибудь, объясните: как Хэ Шу — тот самый Хэ Шу, что в одиночку вырезал логово бандитов в Заводи Синего дракона, окрасив воду в багрянец — превратился в этого павлина, красующегося под софитами? Неужели это действительно тот самый человек?

Хэ Шу тем временем лениво крутил на безымянном пальце изящное кольцо из белого золота. Глядя на гостя с двусмысленной усмешкой, он произнёс:

— Глава племени Хэси, сколько зим прошло. Как ваше драгоценное здоровье?

—... —

«Стоило тебе появиться, как оно тут же закончилось!»

Если быть честным, когда-то Хэ Шу и Янь Цзюнь сражались плечом к плечу. В те времена Янь Цзюнь только принял титул Главы и, повинувшись заветам предков, отправился на охоту за беглым преступным кланом Южного Синьцзяна. Те отщепенцы, не ведавшие страха перед богами, вступили в сговор с разбойниками Срединной равнины, творя бесчинства, от которых содрогнулась сама столица. Император был в ярости, но его войска были бессильны против шаманства южан, и тогда был заключён союз с племенем Хэси — с Янь Цзюнем.

В сущности, Хэ Шу это дело вообще не касалось. Но этот Глава демонического культа был сущим безумцем. Он явился к Заводу Синего дракона под предлогом того, что «местные разбойники внаглую обожрали яблони в его поместье, да ещё и бросили огрызки, потому что те показались им несладкими». Пока Янь Цзюнь сдерживал шаманов, Хэ Шу в одиночку вырезал всё разбойничье гнездо под корень. Когда Янь Цзюнь и праведные воины вошли в логово, воды заводи уже стали алыми. Хэ Шу лишь небрежно махнул Цзюню окровавленной рукой и, не обращая внимания на грязь, вытащил из-за пазухи завернутую в тряпицу гнилую половинку яблока. С сокрушительной мощью внутренней энергии он впечатал этот огрызок в грудь уже мёртвого главаря разбойников и исчез.

С тех пор Завод Синего дракона перестала существовать — её стали называть Заводью Изумрудной крови. А поместье Хэ Шу вошло в десятку самых опасных мест Поднебесной.

Янь Цзюнь давно похоронил эти воспоминания и меньше всего ожидал, что они воскреснут. Глядя сейчас на этого элегантного мужчину, в котором не осталось и следа былой жажды крови, он хотел задать лишь один вопрос:

«Твои яблоки что, на чистом золоте возвращены, что они тебе так, мать твою, дороги?!»

<http://bllate.org/book/17422/1659556>